

УДК 811.11-112

О. А. Строганова
Санкт-Петербург

**СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА АВТОРА С
СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОНТЕКСТОМ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ РАВНИННОЙ ШОТЛАНДИИ)**

Розглядається, як на хвилі підйому національної і мовної самосвідомості в ХХ ст. здійснюються спроби із створення літературного стандарту регіональної мови рівнинної Шотландії – скотс.

Ключові слова: національна самосвідомість, індивідуальне мовне будівництво, граматичний шотландізм, архаїзм, діалектні риси.

Рассматривается, как на волне подъема национального и языкового самосознания в ХХ в. осуществляются попытки по созданию литературного стандарта регионального языка равнинной Шотландии – скотс.

Ключевые слова: национальное самосознание, индивидуальное языковое строительство, грамматический шотландизм, архаизм, диалектные черты.

The twentieth century saw the rise of national and linguistic identity in Lowland Scotland resulting in numerous authors' realizing the need of a literary standard for the Scots language.

Key words: national identity, language planning, grammatical scotticism, archaism, dialect features.

Регіональний язык равнинной Шотландии, известный как скотс, и литературный английский находятся в близком родстве – первый сформировался на основе северных диалектов, а второй на основе восточно-центрального и южного диалектов среднеанглийского языка. Выделение скотс из северо-английских диалектов в самостоятельный язык произошло в XV в., причиной чему послужило обретение Шотландией политической и культурной независимости. Появление потребности в стандартизованном государственном языке привело к постепенному формированию многофункциональной региональной языковой нормы на территории Шотландии [10, с. 3]. Этот вновь сложившийся и продолжавший развиваться вариант стал языком официальной документации, протоколов заседаний шотландского парламента, кроме того, он стал языком богатой, получившей мировое признание, шотландской литературы. Тем не менее период расцвета скотс в этом качестве был недолгим – постепенно из официальной сферы его вытеснил английский язык, значительное влияние которого на скотс ощущалось всегда и усилилось ещё больше после переезда королевского двора в Лондон в 1603 г. Окончательно позиции скотс подорвало объединение парламентов в 1707 г. На скотс начались гонения, он был вытеснен в сферу повседневной речи: подавляющее большинство шотландских писателей XVII в. пишет уже на английском языке. Однако позже, в XVIII в., литературная традиция на скотс возобновляется и относительно успешно развивается по сей день.

После долгого перерыва в литературной традиции, а также длительного периода мощного и всестороннего влияния английского языка на скотс перед авторами, возобновлявшими литературную традицию, встала непростая задача возрождения письменного языка. Для ее решения могли быть использованы различные стратегии: подражание классикам шотландской литературы и их языку, внедрение в письменную речь форм, свойственных разговорному языку, прежде всего различных диалектных особенностей. Безусловно, каждый автор по-своему понимал эти задачи, по-своему представлял то, каким в перспективе должен быть литературный стандарт скотс.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, рассмотрев несколько важнейших грамматических особенностей скотс, попробовать проследить наличие корреляции индивидуального авторского языка, с социокультурными особенностями периода. Причём в рамках данной статьи наиболее подробно мы остановимся на наиболее близком к нам периоде в истории скотс – XX в., периоде, в который индивидуальное языкотворчество достигло особенно широких масштабов.

Новизна исследования заключается в том, что грамматика является наименее исследованной областью скотс. М. Хэкер отмечает, что «отсутствие всестороннего описания грамматики скотс или шотландского английского обусловлено тем, что долгое время к ней относились как к искажённой английской грамматике, которую следует не описывать, а исправлять» [7, с. 11–12]. Дж. Бил в статье «Морфология и синтаксис скотс» метко сравнивает предпринятое им диахроническое исследование грамматических шотландизмов с «погружением в неисследованные морские глубины, о которых известно только то, что там могут водиться драконы» [3, с. 336]. В связи с этим думается, что подход к рассмотрению лингвистических (в нашем случае – грамматических) особенностей текста с точки зрения их изменений в связи с социокультурными особенностями того или иного периода, а также индивидуального отношения автора к языку своего произведения, может дать интересные результаты.

Следует отметить, что основополагающим положением этого исследования является концепция «насыщенности»/«разреженности» языка произведения в плане шотландизмов, предложенная Дж. Д. Маклюром в статье «Скотс в современной поэзии» («Scots and its use in recent poetry» (1979). В ней Дж. Д. Маклюр приводит шкалу, в которой ось -y символизирует так наз. «разреженный скотс» (thin Scots), а ось -x – «насыщенный скотс» (dense Scots). Причём скотс определяется как «разреженный» или как «насыщенный» в зависимости от того, насколько сильно он отличается от литературного английского языка. Таким образом, если некоторый текст содержит большое число характерных шотландских черт в области лексики, идиоматики, грамматики и написан с использованием орфографии, явно основанной на шотландском произношении, то данный текст можно охарактеризовать как «насыщенный»,

если же некоторые из вышеперечисленных особенностей отсутствуют или представлены в малом объёме, то текст тяготеет к оси -у, то есть к «разреженному» скотс. В случае если текст характеризуется как «насыщенный», Маклюр предлагает дополнительно охарактеризовать его с точки зрения того, тяготеет ли он к литературному стандарту (сложившемуся уже после XVIII в. на основе центральношотландских и южношотландских диалектов) или к разговорной речи [9, с. 174–176]. Думается, что эта концепция крайне важна при работе с шотландскими письменными текстами, поскольку они демонстрируют большую вариативность в плане использования шотландизмов, в плане сосуществования в них элементов, характерных для английского языка (шотландского английского) и скотс. В качестве материала исследования выступают поэтические произведения, написанные на скотс (XVIII–XX вв.). Среди авторов, чьи произведения были взяты для анализа, такие имена, как А. Рамзи, Р. Фергюссон, Р. Бёрнс, В. Скотт, Дж. Хогг, Х. Макдермид, С. Г. Смит, Ш. Блэкхолл, Д. Первес. Всё это фигуры, внесшие огромный вклад в развитие литературы равнинной Шотландии и её языка – скотс, причём язык их произведений относится к различным диалектным и наддиалектным литературным традициям. Следует отметить, что материалы XVIII–XIX вв. будут использованы лишь для сравнения, в то время как основное внимание будет сосредоточено на данных, полученных из поэтических текстов XX в.

Как было отмечено выше, скотс обычно рассматривают, противопоставляя его литературному английскому языку. Это противопоставление отчетливо прослеживается и в произведениях художественной литературы, особенно в прозе XIX–XX вв., где скотс, как правило, используется в диалогической речи героев, шотландцев по происхождению, а литературный английский язык – в качестве основного языка повествования. За счёт такого использования языков автор зачастую создаёт следующие оппозиции: «скотс – английский»; «низкий социальный статус – успешность и престиж»; «архаичность, уходящие ценности, старшее поколение – молодость, современность, прогрессивность» [8, с. 322–323; 15, с. 297–305]. Тем не менее стремление к противопоставлению этих двух языков, настолько явное в XVIII–XX вв., проявилось не сразу. Несмотря на существовавший испокон веков социально-политический антагонизм между Шотландией и Англией, в области языка его существование не было настолько очевидным. Важно подчеркнуть, что первоначально, в XV в., а также в начале XVI в. оба языка носили одно общее название «инглис». Первым писателем, заявившим в 1513 г. о праве «скоттис» на независимое положение по отношению к «инглис», был Гавейн Дуглас [цит. по 4, с. 10]. Тем не менее конфликт не был таким острым. Более того, заимствование написаний, морфологических, синтаксических и лексических единиц из английского языка было обычным делом. Заимствование из английского считалось оправданным в следующих случаях:

1) в случае, если заимствование помогало заполнить существующий лексический пробел;

2) в случае, если заимствование способствовало обогащению текста в плане выразительности;

3) в случае, если шотландский автор намеренно подражал английским авторам (в ранний период (старошотландский) чаще всего подражали Дж. Чосеру и Дж. Лидгейту).

Противопоставление скотс английскому языку и их своего рода «размежевание» стало результатом политического противостояния Англии и Шотландии и обретения Шотландией независимости [5, с. 137]. Как было отмечено выше, огромное пагубное влияние на скотс и его литературу оказал переезд королевского двора в Лондон: значительно возрос престиж английского языка, в то время как скотс стал восприниматься как его диалект, «искажённый английский». XVII – начало XVIII вв. – трудный период в истории скотс: практически все авторы того времени пишут свои произведения на английском, и только к середине XVIII в. речь вновь заходит о том, чтобы использовать скотс в качестве языка литературы. Немногие энтузиасты использования скотс в письменной сфере зачастую в качестве языка своих произведений параллельно используют и английский язык. Следует отметить, что, несмотря на якобитские войны, XVIII в. в целом был успешным периодом для Шотландии: в это время наблюдается подъём в сельском хозяйстве, развитии городов, торговле, промышленности, религиозной и социальной сферах шотландского общества. В сложный период, когда Шотландия утрачивает свою политическую независимость, её народ, как это ни парадоксально, заявляет о себе с новыми силами, причём его достижения получают мировое признание [14, с. 150]. На фоне этого подъёма растёт национальное и языковое самосознание, появляются авторы, которые пишут на скотс, причём такие ярчайшие фигуры в истории шотландской литературы, как А. Рамзи, Р. Фергюссон, Р. Бёрнс, В. Скотт. Тем не менее отношение к скотс в высших слоях общества в целом по-прежнему оставалось негативным.

Новый подъём национального и языкового самосознания приходится на XX в., на период после окончания первой мировой войны. Плачевное состояние экономики, рост централизации государственного аппарата, невнимание властей к положению в культурной жизни Шотландии – всё это привело к укреплению позиций националистов в среде интеллигенции [цит. по 1, с. 73]. В это время поэт Хью Макдермид и группа его единомышленников заявляют о намерении создать наддиалектный вариант скотс «лаланс», который мог бы стать литературным стандартом и выполнять все функции официального государственного языка. Несмотря на то, что созданный вариант так и не получил официального статуса, все усилия по его созданию не прошли без следа: возросло внимание к скотс со стороны общественности, было создано краткое руководство для пишущих на скотс (так наз. *Scottish Style Sheet*), в котором были закреплены основные

орфографические правила и рекомендации; учреждён филологический журнал «Лаланс»; кроме того, среди писателей и поэтов, пишущих на скотс, устраиваются поэтические состязания. В 1997 г. была издана рекомендательная грамматика Д. Первеса.

В данной статье мы рассмотрим четыре грамматические особенности: их наличие/отсутствие, по нашему мнению, может говорить об отношении автора к языку, который он использует в своём произведении, о его стремлении намеренно сделать язык более «насыщенным» характерными шотландскими чертами.

Грамматические особенности, которые будут подвергнуты рассмотрению:

а) нетипичная для литературного английского языка координация подлежащего и сказуемого, особенность которой заключается в том, что окончание -s может появляться у глагола в изъявительном наклонении настоящего времени: 1) в 1 л. ед. ч., при обозначении регулярно совершаемого действия («I rises ilka day at sax»), при обозначении настоящего исторического времени или, когда в качестве подлежащего выступает относительное местоимение («It's me that comes first»); 2) когда подлежащее выражено местоимением 2 л. ед. ч. («...thou's met me in an evil hour»); 3) когда подлежащее выражено существительным во множественном числе («...when the kye comes hame») [6, с. 112];

б) отрицание, образованное по модели «вспомогательный /модальный/ смысловой глагол + клитика -na»: «They canna sit for anger...» (Р. Бёрнс «Святая ярмарка») / «The wund-blawn flouers clauchtsna the tree» (Д. Первес «Песня о снежно-белых вершинах»); а также отрицание, чаще всего проявляющееся в сочетании с редуцированной формой вспомогательного глагола ('ll; 's) и образующееся с помощью отрицательного местоимения по: «I'll no begink the instincts thistlewise that dern – and canna show» (Х. Макдермид «Пьяный и чертополох»); в) грамматические шотландизмы,

представленные модальными глаголами, а именно, так называемыми двойными модальными глаголами 'will can', 'might could', 'might should': «I show my hert – wha will can see» (Х. Макдермид «Пьяный и чертополох»), а также конструкциями типа «вспомогательный глагол+maybe+смысловой глагол»: «It'll mibbie be safer» (Д. Рори «Предосторожность»), которые А. Дж. Эйткен относит к «скрытым» шотландизмам [2, с. 107];

г) причастие I на -and/-an, которое скотс унаследовал от нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка, и которое оказалось в скотс намного устойчивее, чем причастие I на -end в литературном английском языке: «Ye saw't floweran in my breast...» (С. Г. Смит «Мандрагоровое сердце»)

Эти особенности представляются нам наиболее показательными по следующим причинам: 1) нетипичная для литературного английского языка координация подлежащего и сказуемого является яркой особенностью,

сохраняющейся в некоторых диалектах севера Англии и в Шотландии по сей день. Несмотря на влияние английского языка, в скотс эта особенность не исчезла: тексты старошотландского и новошотландского периодов демонстрируют большую устойчивость этого шотландизма и даже некоторый рост примеров его употребления к XX в.; 2) причастие I на -and было характерной чертой старошотландских текстов; к концу XVI в. эта форма практически вышла из употребления в центральных диалектах Шотландии, однако в новошотландский период вновь появилась в языке литературы; 3) вышеописанное отрицание широко представлено как в языке произведений шотландской литературы, так и в устной речи шотландцев, и является одним из наиболее «явных» шотландизмов для носителей скотс и шотландского английского [13, с. 83–85, 104–106]. Следует отметить, что особенный интерес представляет способность смыслового глагола образовывать отрицание не при помощи перифразической конструкции с глаголом do, а посредством прямого присоединения к нему отрицательной клитики -na. В текстах XVIII–XIX вв. это свойство было характерно для более широкого круга глаголов. В рекомендательной грамматике Д. Первеса (1997) отмечается, что такой способ образования отрицания нормативен только для односложных глаголов (kenna, cumsna, thinkna, latna) [12, с. 27]; 4) модальные глаголы, характерные прежде всего для устной речи, последовательно используются в письменной речи, начиная с XIX в. Их наличие в текстах современной поэзии может свидетельствовать об экспериментах в области языка литературы, направленных на создание литературного стандарта.

В ходе исследования был применён метод случайной выборки: были выбраны отрывки из поэтических текстов, объёмом в 3000 слов и подсчитано количество примеров вышеуказанных грамматических особенностей на 1000 слов. Полученные данные приведены в Таблице 1:

Таблица 1. Средняя частотность употребления грамматических шотландизмов в текстах шотландской поэзии XX в.

Автор	Отрицание	Координация подлежащего и сказуемого	Причастие I	Двойные модальные и подобные им конструкции
Ч. Марри	4.6	3	0	0
Х. Макдермид	3.6	0.3	0.3	0.3
С. Г. Смит	2.6	0	7.3	0
Дж. К. Аннанд	7	0.6	0	0
Д. Рори	16	5.6	0	2.3
У. Л. Фергюсон	5.3	15	0	0
Ш. Блэкхолл	1.6	2	0	0

Д. Первес	7	6	0	0.3
Итого:	5.96	4.0625	0.95	0.3625

Отметим следующие особенности:

1. В рамках данной статьи помимо среднего числа употребления грамматических особенностей текстов XX в. были подсчитаны также средние показатели для XVIII и XIX в. Причём оказалось, что именно для XX в. эти показатели являются наиболее высокими. Например, среднее число употребления примеров координации подлежащего и сказуемого в текстах XVIII в. составляет: 1.5/1000, XIX в.: 0.225/1000, XX в.: 4.06/1000. Такая же ситуация обнаруживается в случае с использованием отрицания в шотландских текстах: XVIII в. : 2.6, XIX в.: 2.05, XX в.: 5.96. Таким образом, по крайней мере, по двум показателям из четырех тексты XX в. демонстрируют большую «насыщенность».

2. Форму причастия I на *-and/ -an*, встречающуюся в текстах XX в. можно назвать архаизмом. Употребление данной особенности авторами XVIII в. и еще отчасти XIX в. было, более ли менее органичным, хотя бы за счет подражания классикам или использования диалектных особенностей, как у Р. Бёрнса. Дж. Марри в своём труде, посвящённом южношотландским диалектам (1873), отмечает: «Жителю юга Шотландии будет также странно слышать форму *eating*, используемую и в форме герундия *eiting*, и в форме причастия I *eatand*, как для англичанина будет странным употребление только глагола *will*, употребляющегося и в тех случаях, где требуется использовать *shall*» [11, с. 211]. Примеров в текстах XX в. в среднем значительно меньше, чем в XVIII в.: 0.95:4.5. Фактически, они представлены в языке всего двух авторов. Тем не менее с большой долей вероятности можно говорить о том, что данные употребления не являются органичными, а являются скорее результатом экспериментирования с языком, внедрения архаических черт, особенно это становится очевидным, если принять во внимание то, что этот шотландизм встречается в языке таких крупнейших фигур движения шотландского Возрождения, как Хью Макдермид, а также Сидни Гудсер Смит. Как отмечалось выше, эти авторы, в частности Хью Макдермид, стремились возродить скотс и его былое положение в обществе, для чего предполагалось выработать наддиалектный вариант, который бы смог выполнять все необходимые функции и обслуживать все потребности государства. Они хотели синтезировать этот вариант из всех особенностей скотс, архаичных, диалектных, разговорных, чтобы максимально дистанцировать его от литературного английского языка, чтобы было меньше споров по поводу степени сходства этих двух языков. Таким образом, что касается причастия настоящего времени, то в XX в. налицо его употребление как архаичной черты в целях насыщения языка шотландизмами.

3. Особенно интересную картину демонстрирует употребление в языке литературы модальных глаголов и модальных слов. Данные особенности появляются в языке поэзии только в XX в. В прозе XIX–XX вв. частотны

конструкции *will can*, встречаются сочетания *may can*, а также конструкции с модальным словом *maybe/mebbe/mibbie*. Это объясняется тем, что в прозе скотс использовался в диалоге и в целом отражал разговорную речь – таким образом, конструкции такого рода, первоначально характерные именно для разговорного языка, присутствовали в нём. Что касается модальных конструкций в языке поэзии, то употребления типа *will can*, присутствуют в языке Хью Макдермида, а также Дэвида Первеса – известного энтузиаста скотс, популяризатора «лаланса» и автора упомянутой рекомендательной грамматики скотс «Грамматика и ее использование». Кроме того, следует отметить широкое использование в поэзии XX в. конструкций типа «*to be (shall/will)+mibbie+ verb*», традиционно характерной для устной речи, например, в языке произведений Дэвида Рори: «*It'll mibbie be safer...*» (Д. Рори «Предосторожность»).

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В начале – середине XX в. усиливаются националистические настроения в среде шотландских интеллектуалов, что было обусловлено социально-экономическими и культурно-политическими последствиями первой мировой войны. На волне этих настроений создаётся круг единомышленников во главе с Х. Макдермидом, занимающихся созданием и популяризацией синтетического литературного стандарта «лаланс».

2. В языке авторов этого периода, не только писавших на «лаланс», но и на диалектах скотс, например северо-восточном, наблюдается большая вариативность в плане использования грамматических «шотландизмов». В среднем частотность таких «шотландизмов», как нетипичные для литературного английского языка координация подлежащего и сказуемого и отрицание, в XX в. выше, чем у авторов XVIII–XIX вв. Кроме того, в XX в. в язык поэзии входят такие шотландизмы, как двойные модальные глаголы, а также конструкции с модальным словом *mebbe*, прежде характерные для устного языка. Также в языке поэзии XX в. вновь появляется такой архаичный шотландизм, как причастие I на *-an*, вышедший из употребления в центральных диалектах в XVI в. и сохранявшийся значительно дольше в южных диалектах.

3. Наличие этих грамматических особенностей в письменном скотс XX в. говорит об экспериментировании в области языка, о широком размахе индивидуального авторского языкового творчества в этот период. По нашему мнению, эти особенности языка авторов XX в., причём не только энтузиастов «лаланса», могут быть связаны с ростом национального языкового самосознания, стремлением к повышению статуса скотс, осознанию места этого языка в шотландской истории и культуре.

4. Необходимо констатировать, что хотя некоторые исследователи не признают автономности грамматики скотс по отношению к английской, грамматические особенности текстов тоже могут сказать многое о представлении автора об идентичности языка своих произведений, об отношении к этому языку на определенном этапе общественного развития.

Библіографічні посилання

1. Павленко А. Е. О роли личности в языковом строительстве (языкотворчество шотландского поэта Хью Макдермида) // Сборник научных трудов всероссийской научной конференции «Наука о языке и человек в науке», Т. 2 / А. Е. Павленко – Таганрог: Типография Ступина А. Н., 2010. – С. 70–76.
2. Aitken A. J. Scottish accents and dialects // Language in the British Isles / A. J. Aitken. – Cambridge University Press, 1984. – P. 94–114.
3. Beal J. Morphology and syntax // The Edinburgh history of the Scots language / J. Beal. – Edinburgh University Press, 1997. – P. 335–378.
4. Dossena M. Scotticisms in grammar and vocabulary / M. Dossena. – Edinburgh, John Donald Publishers, 2005. – 178 p.
5. Görlach M. A textual history of Scots / M. Görlach. – Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 2002. – 324p.
6. Grant W., Dixon J. M. Manual of modern Scots / W. Grant, J. M. Dixon – Cambridge University Press, 1921. – 500 p.
7. Häcker M. Adverbial clauses in Scots. A semantic-syntactic study / M. Häcker – Berlin-New York, Mouton de Gruyter, 1999. – 306 p.
8. Letley E. Nineteenth century fiction and Scots language // The History of Scottish Literature. Volume 3 / E. Letley – Aberdeen University Press, 1989. – P. 322–326.
9. McClure J. Scots and its use in recent poetry // Scots and its Literature / J. D. McClure. – Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins Publishing Co, 1995. – P 171–190.
10. Meurman-Solin A. Differentiation and Standardisation in Early Scots//The Edinburgh History of the Scots Language / A. Meurman-Solin – Edinburgh University Press, 1997. – P. 3–24.
11. Murray J. The dialect of the Southern counties of Scotland: its pronunciation, grammar, and historical relations // Transactions of the Philological Society / J. Murray. – London-Berlin, Asher & Co-Unter den Linden, 1873. – 251 p.
12. Purves D. A Scots Grammar: Scots grammar and usage / D. Purves – Edinburgh, Saltire Society, 1997. – 160 p.
13. Sandred K.I. Good or Bad Scots?: attitudes to optional lexical and grammatical usages in Edinburgh // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia / K. I. Sandred. – Uppsala, 1983. – 131 p.
14. Sher R. B. Scotland transformed: the eighteenth century // Scotland. A history / R. B. Sher. – Oxford University Press, 2005. – P. 150–176.
15. Weißenberger R. The search for the national identity in the Scottish literary tradition and the use of language in Irvine Welsh's «Trainspotting» / R. Weißenberger. – Frankfurt, 2005. – 404 p.

Надійшла до редколегії 15.02.2013 р.